

А. В. ЛУБСКИЙ

ИСТОРИЯ КАК СТРОГАЯ НАУКА VS НАРРАТИВНАЯ ЛОГИКА ИСТОРИОПИСАНИЯ

В рамках конструктивного реализма и неоклассической рациональности автор рассматривает проблемы преодоления дихотомии между историей как наукой и историей как нарратологией.

Ключевые слова: наука, конструктивизм, радикальный конструктивизм, критический реализм, нарратив, нарративный идеализм, нарративный реализм, классическая рациональность, неоклассическая рациональность.

Когнитивная ситуация в современной исторической науке характеризуется тем, что в ней, как отмечала О.М. Медушевская, сосуществуют и противоборствуют две взаимоисключающие парадигмы. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, видит организующий момент исторического знания лишь в ценностном выборе историка. Другая парадигма, связанная с историей как строгой наукой, стремится выработать общие критерии системности, точности и доказательности нового знания¹.

В рамках классической рациональности такая когнитивная ситуация неизбежно порождает проблему индивидуального эпистемологического выбора. Образно говоря, стоит историк на развилке дорог, видит указатели: налево – нарратология, направо – строгая наука. А внизу камень, на нем надпись: налево пойдешь – лишишься рассудка, направо пойдешь – воображение потеряешь. В средние века такие альтернативные леммы назывались «рогами». Какую бы альтернативу вы ни выбрали, обе они приводят к неприятным следствиям, и вы оказываетесь на «рогах». К таким неприятным следствиям ведет дихотомия «история как строгая наука vs нарративная логика историописания», поскольку история как строгая наука предполагает, что в рассудочном историческом знании не должно быть ничего того, что не относится к предмету познания; в нарратологии, наоборот, историческое знание рассматривается как проекция экзистенциальной интенции и воображения самого историка.

Идея истории как строгой науки возникла в русле позитивистской историографии еще в XIX в. и получила развитие в рамках сциентизма, ренессанс которого наблюдался в 1950-х – начале 1970-х гг. Этот ренессанс, получивший название историографической революции, выразился в

¹ Медушевская. 2008. С. 15-16.

становлении «новой исторической науки», представители которой стремились преодолеть идиографические когнитивные стратегии на путях социальной истории, психоанализа, структурализма, марксизма, клиометрии. Сциентизм в историческом познании, основываясь на принципах систематической эпистемологии и классической рациональности, в качестве идеала научности берет модели мышления «строгих» наук и реализует варианты рассудочно-рациональных научно-исследовательских практик, связанных с реконструкцией исторической действительности с помощью научных методов и научного языка познающего субъекта.

Когнитивными императивами сциентизма в историческом познании выступают: 1) элиминация субъекта исторического познания из его результатов; 2) вооружение познающего субъекта научным методом, т.е. правильным способом описания и объяснения исторической действительности, позволяющим получать объективные исторические знания. Сциентизм, стремясь представить субъектно-объектные отношения в историческом познании в жестких абстракциях, в которых господствует анонимный гнет понятий и демонстративность научной мысли, утверждает основополагающую роль исторической науки в производстве исторических знаний, избавляя их от спекулятивных суждений и телеологических заблуждений.

Идея истории как нарратологии зародилась в русле антипозитивистской историографии и получила развитие в первой половине XX в. в русле антисциентизма, который, основываясь на принципах антисистематической эпистемологии и неклассической рациональности, в качестве идеала научности берет модели мышления гуманитарных наук, реализуя варианты экзистенциально-антропологических научно-исследовательских практик, ориентированных на производство исторических знаний, в которых презентуется не только историческое прошлое, но и субъект исторического познания.

В рамках антисциентизма в историческом познании, с одной стороны, был поставлен вопрос о субъектности исторического познания, с другой – переосмыслены его предмет и когнитивная стратегия: строго детерминированная, структурированная надындивидуальная историческая реальность уступила место индивидуальной реальности, миру повседневной жизни и дорефлексивных форм обыденного сознания; номотетическая когнитивная стратегия была заменена идиографической, направленной на понимание и описание уникальных структур субъективной ориентации в мире повседневности, конституированных сознанием.

В 1970–80-х гг. под влиянием идей, связанных с «лингвистическим поворотом» и постмодернизмом, на волне критики сциентистских уст-

ремлений «новой исторической науки» начался новый ренессанс анти-сциентизма в историческом познании, и произошла когнитивная радикализация его эпистемологических принципов.

Основой такой радикализации стал субъектный, ассоциативно-образный постмодернистский стиль исторического мышления. Исходя из представления о том, что историческая реальность начинает существовать только в интерпретациях и лишь благодаря им, постмодернисты главную роль в историческом познании стали отводить текстам. Постмодернисты рассматривают историческое познание как диалог между текстами, в ходе которого возникает специфическая власть языка, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий мир исторического дискурса, в котором конструируется историческая реальность. Поэтому историческое знание рассматривается постмодернистами не как «отражение» исторической действительности, а как субъектное выражение интересов и потребностей, стереотипов восприятия и мышления самого исследователя, «вписанного» в гипертекст современности.

В результате в постмодернизме до логического конца была доведена идея субъектности исторического познания, поскольку познающий субъект был провозглашен в качестве «репрессивной инстанции» по отношению к производству альтернативных картин исторической реальности. В историческом познании исчезли всякие авторитеты, кроме мнения самого автора, опирающегося на принцип «affirmo – ergo est» («утверждаю – значит, так есть»).

Непосредственно под влиянием постмодернизма в исторической эпистемологии сформировалось такое направление, как радикальный конструктивизм, представители которого считают, что мир прошлого вне различных социокультурных практик не играет никакой роли в производстве исторических знаний. В радикальном конструктивизме преодолевается дуалистическая онтология «историческая действительность – историческое знание» путем абсолютизации исторического познания, вплетенного в социокультурную практику. Историческое познание противостоит исторической действительности, а историк как познающий субъект – это когнитивная система, замкнутая на себя. Историческое познание – не просто диалог культур, а интеллектуальная игра, которая ведется в культуре с помощью средств самой культуры. В связи с этим историческая наука, как считают радикальные конструктивисты, не обладает привилегированным доступом к исторической действительности, находящейся вне культуры, и поэтому не может претендовать на монопольное производство истинного исторического знания.

В радикальном конструктивизме историческое прошлое сводится к множеству случаев установления социокультурных конвенций относительно тех или иных исторических ситуаций, и поэтому исторические знания могут всегда быть «размонтированы» и преобразованы в другие интерпретации. Истинность или ложность исторических знаний определяется не их адекватностью исторической действительности, а социокультурными контекстами их производства. Истинными считаются исторические знания, полученные в соответствии с социально и культурно санкционированными понятийными схемами и прошедшие социокультурный селективный отбор, который осуществляют разные социальные группы, прежде всего группы производителей исторического знания. При этом существенное влияние на производство знаний и отбор «истинных описаний» оказывают насилие, власть, деньги, авторитет, репутация ученых, их способность пойти на сделки с властью и собственной совестью, множество существующих конвенций, убеждение, уговоры, внушение, риторика. Высшим арбитром истинности (ложности) исторических знаний выступает общая система идей, образующих конкретную культуру. Для радикального конструктивизма историческое познание есть форма ориентации в современном мире, а исторические знания производятся для того, чтобы облегчить социокультурные коммуникации.

В радикальном конструктивизме можно выделить две формы: риторическую и концептуальную. Представители риторического конструктивизма рассматривают язык как ключ к пониманию прошлого и в своих принципиальных положениях опираются на идеи постмодернизма, в рамках которого отношения знания к действительности потеряли всякий смысл и были заменены провозглашением субъекта как репрессивной инстанции, творящей мир. Концептуальный конструктивизм не отказывается от признания реальности прошлого, но в когнитивной практике этому не придается никакого значения, поскольку историческое знание рассматривается всего лишь как проекцию этой практики. В концептуальном конструктивизме истинными считаются исторические знания, полученные в соответствии с требованиями научности, принятыми в определенном сообществе историков.

В рамках радикального конструктивизма история, лишенная статуса строгой науки, была сведена к нарративной логике историописания. В исторической эпистемологии нарратив как особая форма и способ презентации исторической реальности оказался предметом особого внимания благодаря лингвистическому повороту в историческом познании. Этот поворот актуализировал различия между научным историческим исследованием как производством исторических фактов и историописа-

нием как рассказом, в котором воображение историка на основе конфигуративного замысла упорядочивает исторические факты и наполняет их значением и смыслом, исходя из культурно-символического контекста. В этом плане исторический нарратив, содержащий правдоподобные высказывания фактического характера, является продуктом культуры и языка познающего субъекта, которому заранее известен финал исторического повествования, стягивающий все сюжетные векторы его рассказа в общий фокус. Поэтому исторический нарратив является не столько описанием прошлого, претендующим на адекватность, сколько «инструкцией» по определению и пониманию исторической реальности.

Непосредственно с радикальным конструктивизмом в исторической эпистемологии связано такое течение в нарратологии, как нарративный идеализм. В рамках нарративного идеализма исторический нарратив, в отличие от описания и объяснения прошлого, рассматривается, с одной стороны, как его интерпретация, т.е. нахождение единства в разнообразии, с другой – как презентация в виде гештальта, автономного по отношению к исторической действительности. Исторический нарратив как интерпретация и презентация, обращаясь к прошлому, не корреспондирует с ним, а обозначает его с помощью языка познающего субъекта как средства интерпретации исторической реальности, и добавляет к картине прошлого все то, в чем нуждается историк для его осмысления и представления. В нарративном идеализме прошлое – это не текст, который переводится историком в нарратив, а повод для создания исторического нарратива как метафорического заявления, служащего связующим звеном между прошлым, которое в нем описано, и структурами, конвенционально используемыми в культуре, для того чтобы наделять значениями и смыслами незнакомые события и ситуации. Поэтому исторический нарратив относится не к прошлому, а к историческому дискурсу по поводу конкурирующих исторических интерпретаций. В рамках нарративного идеализма различные интерпретации истории согласуются не через соотнесение их с фактами, а с аргументами текстов нарративов, и поэтому допускается, что исторический нарратив обладает своего рода правом насилия над исторической реальностью. В этом смысле исторический нарратив как конструкт исторической реальности – это образ возможного прошлого и его концептуальное предпочтение².

В настоящее время в рамках культуры «неоглобализма» складывается методология нового универсализма, которая характеризуется, с

² См.: Анкерсмит. 2003.

одной стороны, активизацией дихотомического стиля мышления, а с другой – стремлением к синтезу разных «оппозиций»: глобального и локального, универсального и уникального, социоцентристского и антропоцентристского, номотетического и идиографического, макроисторического и микроисторического, научного и нарративного.

В русле методологии нового универсализма в исторической эпистемологии формируется такое направление, как критический реализм, базирующийся на особом – неоклассическом – типе рациональности.

Применительно к историческому познанию классическая рациональность, основываясь на принципах нейтральности субъекта научно-исследовательской деятельности, а также тождества исторического бытия и исторического мышления, претендует на познание исторической действительности такой, какой она была сама по себе, без примеси человеческой субъективности. Классическая рациональность, в которой разум, с одной стороны, дистанцируясь от исторической действительности, а с другой – абстрагируясь от деятельностной природы познающего субъекта, элиминирует из процедур описания и объяснения все то, что не относится к предмету исторического познания.

Неклассическая рациональность, в которой деятельностная природа субъекта исторического познания выступает в явном виде, предполагает осмысление соотнесенности объясняемых характеристик предмета исторического исследования с особенностями методологических средств и операций научной деятельности. Поэтому неклассическая рациональность предполагает, что содержание исторического знания обусловлено не только предметом, но и методологией исторического исследования.

Неоклассическая рациональность сформировалась в результате синтеза таких установок, как стремление к познанию исторической действительности такой, какой она была на самом деле, в классической науке и установление зависимости объясняемых характеристик предмета исторического исследования от его методологических предпосылок – в неклассической, и дополнения их осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотнесении с социальными целями и ценностями. Поэтому неоклассическая рациональность в исторической науке предполагает, что содержание исторического знания зависит не только от предмета и методологии исторического исследования, но и от его социокультурного контекста, выражением которого выступает язык научного дискурса³.

³ Лубский. 2010. С. 79-80, 115-116, 234-235.

Представители критического реализма в исторической эпистемологии, с одной стороны, признают, что конструктивистское начало присутствует во всяком научном познании, а с другой – отвергают радикальный постулат постмодернизма, который гласит, что историческая реальность является лишь продуктом сознания познающего субъекта. В результате в исторической науке после постмодернизма получили распространение идеи конструктивного реализма, сторонники которого, преодолевая оппозицию реализма и конструктивизма, исходят из того, что познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует историческую реальность в рамках культурно-эпистемологического контекста, но такую реальность, которая в определенной мере соответствует исторической действительности. Представители конструктивного реализма рассматривают историческое познание как такую когнитивную деятельность, которая предполагает взаимодействие историков, с одной стороны, с трансцендентальной исторической действительностью, а с другой – друг с другом. В рамках этих взаимодействий конструируются «жизненные миры» как картины исторического прошлого, которые не только соответствуют самой исторической действительности, но неизбежно несут на себе «почерк» познающего.

Разновидностью конструктивного реализма выступает конструктивный альтернативизм, согласно которому прошлое может интерпретироваться субъектами исторического познания разными способами на основе «конструктивных альтернатив», или моделей исторической реальности, позволяющих рассматривать исторические факты с различных точек зрения. Под влиянием идей конструктивного альтернативизма в исторической науке происходит становление нового типа методологического сознания, в рамках которого историческое познание приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает историческую действительность «саму по себе» в той мере, в какой эта действительность трансформируется в знаки, символические формы и тем самым в разные картины исторической реальности, из которых ни одна не может быть признана единственно правильной. «Мир прошлого» начинает встречать историков в разных ипостасях, которые исследователи выбирают для конкретной научной «встречи». В таком методологическом сознании постепенно преодолевается «жажда объективности» и формируется представление о том, что «мир прошлого» становится исторической реальностью в соответствии с познавательным контекстом.

В связи с этим в академическом сообществе историков осталось мало ученых, которые бы с такой страстью, как еще совсем недавно,

отстаивали тезис о возможности и необходимости единого подхода к изучению исторической реальности. В таких условиях историческое знание приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает историческую реальность «саму по себе» в той мере, в какой эта реальность трансформируется в разные ее «картины», из которых ни одна не может быть признана единственно правильной.

Вместе с тем в рамках конструктивного реализма атрибутом научности исторического исследования признается когнитивная интенция к истине, включающая стремление, во-первых, показать, как «было на самом деле» (корреспондентная истина), во-вторых, производить исторические знания в соответствии с методологическими регулятивами, принятыми в определенном сообществе историков (когерентная истина), в-третьих, производить исторические знания в соответствии с определенным культурным контекстом (контекстная истина).

С конструктивным реализмом в исторической эпистемологии связано такое течение в нарратологии, как нарративный реализм. В рамках нарративного реализма исторический нарратив – это хронологически организованное сообщение, имеющее начало, середину и конец, соединяющее время истории и время историков, включающее дескриптивные, объясняющие и аргументационные утверждения о прошлом, расположенные в интерпретирующей структуре, связанной с настоящим.

В создании такого нарратива большую роль играет, с одной стороны, конфигурация, которая предполагает приоритет авторского замысла над фактическим материалом, соединяющего фрагментарные исторические знания в единое сюжетное повествование. С другой – так называемая «уликовая парадигма», включающая и эмпирические методы добытия фактического знания об исторических явлениях путем обнаружения их индивидуальных «симптомов» («улик»), и априорные методы формирования подразумеваемых, но аргументированных «выводов», избегающих аллегорических толкований прошлого⁴.

Таким образом, в рамках конструктивного реализма, стремящегося к синтезу разных «оппозиций», преодолевается дихотомия «история как строгая наука vs нарративная логика историописания», свойственная классической рациональности. С позиций нарративного реализма исторический нарратив получает свое оправдание как форма исторического знания, в которой находит свое воплощение специфичность истории как «art» и «science».

⁴ Гинзбург. 1994.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
- Гинзбург К.* Приметы: уликовая парадигма и ее корни // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 32–61
- Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAMBERT Acad. Publ., 2010.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
- Лубский Анатолий Владимирович* – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет; *n_lav@mail.ru*